

АРИСТОТЕЛЬ

(384 — 322 до н. э.)

Древнегреческий философ

Данте воспеваает Аристотеля как «великого учителя сведущих, мощного мертвеца, торжественно шествующего по сумрачным чертогам невидимого мира. . . »

Более двух тысяч лет прошло со времени рождения Аристотеля, но он все еще живет среди нас своими мыслями, и «сведущим» все еще есть чему у него поучиться. Трудно указать область знания, в которой Аристотель не оставил бы следа, уцелевшего до настоящего времени. Немногое достоверно известно нам из жизни Аристотеля, однако и это немногое дает совершенно ясное понятие о его характере, привычках, нравственных и политических убеждениях, об отношении к семье, к друзьям и вообще к людям.

Аристотель родился в Стагире, недалеко от Афонской горы, в 384 году до н. э. Отец его, Никомах, был придворным врачом при Аминисе, царе македонском. Никомах происходил из семейства, в котором врачебное искусство переходило из рода в род. Он пользовался большой славой как врач. Македонский двор, где провел Аристотель свое дет-

ство, оказал на мальчика большое влияние; он привык видеть людей, приобрел умение обходиться и с низшими, и с высшими. Он был в юности очень дружен с Филиппом Македонским, вероятно, их связывали общие умственные интересы и широко распространенная тогда ненависть к Персии. Деятельность отца имела большое значение для жизни и деятельности Аристотеля. Отец был его первым наставником и передал ему свои познания в естествознании и медицине.

Пятнадцати лет Аристотель лишился родителей, и заботы о нем принял на себя опекун его, Проксен. Аристотель наследовал от отца своего значительные средства, это дало ему возможность продолжать образование под руководством Проксена. Книги тогда были чрезвычайно дороги, но Проксен покупал ему даже самые редкие; таким образом Аристотель в юности своей привык много читать. Из дальнейшей жизни Аристотеля видно, как глубоко он был привязан к Проксену: в благодарность за его попечения он после смерти своего опекуна заботился о его вдове, усыновил сына

его Никанора, любил мальчика как родного и впоследствии выдал за него замуж свою дочь Пифиаду.

В Стагире было легко и удобно заниматься естественными науками, т. е. наблюдать явления природы; к этому располагала Аристотеля тихая жизнь этого города, мягкий климат, роскошная природа и влияние Проксена, во всех отношениях заменившего ему отца. Под руководством Проксена начал он собирать редкие растения и сравнивать между собой животных. Многие историки утверждают, что Аристотель наследовал от отца не только материальные средства, но также сочинения, заключающие в себе тщательно записанные наблюдения над органической и неорганической природой. Итак, прежде чем окунуться в умозрительные науки, Аристотель приобрел большой навык наблюдать и записывать факты, делать разные догадки относительно законов природы и проверять их с помощью опыта.

Период юности Аристотеля относится к тому времени, когда сильная полуварварская Македонская монархия достигла полного расцвета, а истощенная демократия Аттики приближалась к своему упадку. По своему образованию и языку Аристотель был грек и питал в юности симпатии к народным учреждениям, но в то же время он был подданным македонского государя. Это обстоятельство, как будет видно далее, имело также большое влияние на дальнейшую жизнь Аристотеля и его философскую и научную деятельность.

Как ни любил Аристотель свою очаровательную, хотя полуразрушенную Стагиру, его, однако, неудержимо влекло в Афины. Афины были центром умственной жизни и сохраняли долгое время свою нравственную власть и свое величие. И в Македонии, и в Стагире Аристотель слышал рассказы об афинских мудрецах, о Сократе и Платоне. Греки со свойственной им живостью и пластичностью передавали подробности жизни и деятельно-

сти великих людей. И прежде чем Аристотель увидел наяву Платона, философ не раз снился ему. В 367 году до н. э. Аристотель отправился довершать свое образование в Афины. Платона он там не застал; тот в это время на три года уезжал на Сицилию. Можно себе представить огорчение Аристотеля. Это неприятное событие имело, однако, очень важные последствия. Аристотель нашел в Афинах много людей, прекрасно знакомых с греческой философией вообще и с учением Платона в особенности. Не теряя времени, он принялся за изучение философии на месте ее происхождения. К приезду Платона он был уже хорошо знаком с основными положениями его философии. Может быть, этим объясняется то, что Аристотель не подпал совершенно под влияние учения Платона, а мог отнестись к нему критически. Результаты получились бы другие, если бы он впервые познакомился с учением Платона от него самого и подчинился бы обаянию его личности.

Наконец Платон вернулся на родину и стал опять учить в Академии. Академия, т. е. общественный сад в окрестностях Афин, была любимым местопребыванием Платона; от нее получила название основанная им школа. В саду Академии, украшенном статуями, ждало слушателей не одно приятное препровождение времени, но также упорный труд, сопряженный с продолжительным отвлеченным мышлением. Сам Платон был всегда погружен в глубокую меланхолию. Его большой, широкий лоб, от которого он получил свое прозвище, был постоянно нахмурен. Мощные плечи его были опущены, точно под тяжестью дум; такое бывает иногда у мыслителей. Он улыбался редко и никогда не смеялся. «Грустен, как Платон» – это вошло в поговорку. И в отношении нравственности поэтичный Платон был нетерпим и суров. Из числа его новых учеников Аристотель выделялся решительно всем, не исключая внешности.

Сравним два изображения – Демосфена и Аристотеля. И тот, и другой представлены в сидячем положении, в задумчивой позе, закутанными плащом. И все же какая разница! Демосфен сидит, низко опустив голову, лоб его сморщен, как под влиянием гнетущей печали. Плащ его совсем не по нему – широк и велик, он как будто не надет им самим, а наброшен кем-то другим ему на плечи; плащ, видимо, спустился на пол, а Демосфен наскоро захватил его рукой, сжатой в кулак, от чего образовались на нем самые беспорядочные складки. Совершенно иной вид представляет плащ Аристотеля; он, как видно по складкам, из хорошей, тонкой материи, и складки его такие ровные, свободные. Плащ облегает тело, как нечто неотъемлемо к нему принадлежащее. У Аристотеля видна и свободная манера держать себя, голова его не наклонена, а несколько подалась вперед. Думы, очевидно, его не тяготят, а действительно увлекают вперед – переносят в далекое будущее человечества. Зоркий взгляд великого учителя вскоре остановился на великом ученике.

Крайняя живость Аристотеля возбуждала в Платоне постоянное желание его сдерживать. Аристотель же с юности своей не привык к лишениям и стеснениям, имел свои привычки и нравы, иногда не входившие в кодекс греческого философа. Аристотель не терпел, чтобы ему предписывали, как есть, пить и одеваться. Он любил женщин, хотя невысоко их ценил, и, вопреки обычаю, не находил нужным скрывать первого. Всем этим Аристотель вооружил против себя афинян, не желавших признать его за истинного философа.

Свободный образ жизни Аристотеля послужил основанием к различным возведенным на него клеветам. Говорили, что он в кутежах спустил свое состояние и для приискания средств избрал себе ремесло торговца снадобьями. В действительности же Аристотель, не терпевший стеснений, никогда не предавался

излишества; он знал медицину и в Афинах оказывал медицинскую помощь, когда за ней к нему обращались. Но в то время каждый медик изготовлял и продавал лекарства своим больным; отсюда и возникла нелепая басня.

Аристотель провел в сообществе с Платоном семнадцать лет. Между учителем и учеником образовалась тесная связь с ее необходимыми последствиями: временными размолвками, горячими примирениями и т. д.

Аристотеля часто обвиняли в неблагодарности к Платону; но лучшей защитой против этого обвинения служит то, что Аристотель сам говорит о своих отношениях к Платону. В элегии на смерть одного из своих любимых учеников он вспоминает своего учителя и говорит: «Ему не решился бы сделать вреда самый злейший человек». Затем в «Никомаховой этике» он, как всегда в немногих, но сильных словах, высказывает, как тяжело ему, истины ради, говорить против Платона. Действительно, в своей полемике с творцом идей он всегда говорит в сдержанном и глубоко почтительном тоне. До смерти Платона Аристотель не открывал своей школы, хотя философские его воззрения давно были разработаны во всех подробностях.

Достоверно известно, что Аристотель оставил город Афины за 348 лет до н. э., в год смерти Платона, для того, чтобы путешествиями дополнить свое образование. Вместе с Ксенократом, преемником Платона, он посетил Малую Азию и принял приглашение любимого ученика Гермия, тирана Атарнея, погостить у него. Воспитанный в Афинах и преданный философии, пылкий Гермий лелеял мечту освободить все греческие города Малой Азии от персидского ига. Это было также заветной мыслью Филиппа Македонского, а для сына его, Александра, служило вечным предлогом для нескончаемых войн. Желания Гермия не мог не разделять Аристотель; нет сомнения, что у него была с друзьями поли-

тическая программа, и весьма вероятно, что ему в этом отношении принадлежала инициатива. Это можно заключить из того, что путешествию Аристотеля в то время все придавали характер дипломатической миссии. Беглый грек Ментор, находившийся на службе у персидского царя, вовлек Гермия в заговор и затем выдал его Артаксерксу, который велел лишить жизни тирана Атарнея. Эта смерть глубоко огорчила Аристотеля, может быть, еще более потому, что Гермий погиб за идею, созревшую в уме самого философа. Свое горе Аристотель излил в двух стихотворениях, которые уцелели и дошли до нашего времени.

В Атарнее Аристотель женился на младшей сестре своего друга Гермия, Пифиаде; девушка осталась после смерти брата без защиты и без всяких средств к жизни. Аристотель принял в ней братское участие, а потом их сблизило общее горе. Гнев персидского царя был так велик, что Аристотелю пришлось спасти жизнь молодой девушки и свою собственную. Аристотель удалился на остров Лесбос вместе с Пифиадой. Пифиада долго жила с Аристотелем, чувствовала себя с ним вполне счастливо; умирая, она завещала, чтобы кости ее положили в могилу любимого мужа. Пережив Пифиаду, Аристотель, как мы увидим, в завещании своем упомянул об этом желании Пифиады. Однако союз Аристотеля с Пифиадой представляется нам тихим, дружеским союзом. От Пифиады у Аристотеля была дочь, носившая то же имя.

После смерти Пифиады Аристотель женился на красивой рабыне своей Герпилис, от которой родился у него сын Никомах.

Предание гласит, что в год рождения наследника престола Филипп написал Аристотелю письмо следующего содержания: «Царь македонский приветствует Аристотеля. Извещаю тебя, что у меня родился сын. Но я благодарю богов не столько за то, что они даровали мне сына, сколько за рождение его во

времена Аристотеля, потому что я надеюсь, что твои наставления сделают его достойным наследовать мне и повелевать македонянами».

Воспитанию Александра Аристотель посвятил три года. Философ занимался со своим царственным учеником всеми образовательными предметами. Ученик и учитель жили то в Пелле, то в Стагире, где для них был построен роскошный Нимфеум, окруженный тенистыми садами; там долго сохранялась белая каменная скамья, на которой сидел Аристотель, беседуя с Александром. Во время восьмилетнего пребывания своего в Македонии Аристотель более занимался наблюдением природы; это можно приписать отчасти влиянию воспоминаний, отчасти тому, что слишком разнообразная придворная жизнь мешала занятиям, требовавшим большой сосредоточенности и напряжения ума. Филипп, а потом Александр не жалели ничего, чтобы обеспечить Аристотелю возможность заниматься науками. Более тысячи человек были заняты доставлением ему редких животных, растений и т. д. Смерть Филиппа застала Аристотеля еще в Македонии; он провел со своим воспитанником первые годы его царствования, но когда Александр отправился в поход в Азию, Аристотель уехал в Афины, оставив Александру вместо себя своего племянника и ученика, философа Каллисфена. Аристотелю в то время было пятьдесят лет.

Как ни отрадно было Аристотелю любоваться успехами своего бывшего воспитанника, он задумал переселиться из Македонии в Афины. К такому переселению не существовало, по-видимому, никаких внешних поводов. Благодарный ученик восстановил разрушенную Стагиру, родной город своего учителя. Признательные соотечественники воздвигли в честь него великолепное здание, где он прекрасно мог учить своей философией, окруженный любовью и почетом. Но Аристотеля влек-

ла в Афины какая-то внутренняя сила – в те Афины, где он не мог без опасения сказать слова, где его терпели только благодаря тому, что ему покровительствовали македонские государи. Аристотель отправился туда со своей женой Пифиадой, с дочерью и с воспитанником Никанором. В Академии в то время главой платоновской школы был Ксенократ. Аристотель открыл свою новую школу в Ликее. Прогуливаясь по тенистым аллеям, он учил два раза в день – утром и вечером; по утрам он беседовал о трудных предметах с учениками, знакомыми с началами философии, а по вечерам учил начинающих.

Любопытной чертой крайней живости Аристотеля служит то, что он не мог излагать лекции стоя, он говорил, ходя по тенистой аллее Ликее в сопровождении слушателей. От этой привычки школа Аристотеля получила название перипатетиков, т. е. «гуляющих».

Итак, мы видим, что Аристотель рано принялся учиться и поздно начал учить. Исключая немногие годы, отданные Александру Великому, он всю жизнь посвятил приобретению знания и самостоятельной работе мысли. Аристотель утверждает, что после пятидесяти лет умственные силы слабеют; это пора, когда надо пожинать то, что раньше посеял. Так поступил и сам Аристотель; большая часть его сочинений написана в Афинах в последние тринадцать лет его жизни. Это был труд, способный поглотить все время. Вскоре после переселения Аристотеля в Афины умерла Пифиада; Аристотель горько оплакивал потерю жены и воздвиг ей мавзолей. Через два года после смерти ее он, однако, женился на своей рабыне, которую также нежно любил.

В те годы, когда Аристотель одно за другим писал свои сочинения и терпеливо разъяснял своим ученикам особенности своей философии, Афины представляли собой настоящий вулкан, готовый к извержению. Ненависть к македонянам клочкотала в груди у афи-

нян, страсти готовы были вспыхнуть и произвести разрушительное опустошение.

Хотя Аристотель держался в стороне и вел себя как истинный мудрец, положение его с каждым днем ухудшалось, становясь не только неприятным, но прямо опасным. После же смерти Александра ему невозможно было оставаться в Афинах. Афиняне обвинили его в неуважении к богам, потому что он чтит память друга своего Гермия и жены Пифиады и воздавал им почести, приличные только богам. Обвинителями Аристотеля явились двое подставных свидетелей. Аристотель оставил Афины, чтобы афиняне вторично не совершили преступления против философии; он имел в виду смерть Сократа. Из Афин Аристотель уехал в Халкиду, где вскоре и умер (322 г. до н. э.) от болезни желудка; он страдал ею более или менее постоянно, и она в семье его была наследственной болезнью. Клевета преследовала Аристотеля всю жизнь; когда он умер естественной смертью, то распространили слух, что Аристотель убил себя, не желая предстать на суд перед Ареопагом. Но Аристотель был всегда против самоубийства. Поступки же его никогда не шли вразрез с убеждениями.

Некоторые отцы церкви впоследствии утверждали, что Аристотель утонул, бросившись в пролив, отделяющий остров Эвбею от континента Греции. Это приписывают отчаянию философа от невозможности объяснить в то время явление прилива и отлива.

Остается сказать несколько слов об отношении Аристотеля к своим современникам, к той партии демагогов, которая заставила его удалиться из Афин. Он мало высказывался об этом при жизни; говорить и даже писать было для него небезопасно; он наблюдал проявления страстей с тем спокойствием, с каким отмечал явления бурь и направления ветров.

Один из древнейших писателей говорит по этому поводу: «Во дни Соломона мудрость под-

няла голос на площадях, но не была услышана. Так продолжается и до сих пор. На площадях нет места для мудрости. Мудрость требует спокойного размышления; на площадях же всегда шум и суматоха. Аристотель проникнут, презрением к толпе, а толпа в свою очередь питает инстинктивное презрение к Аристотелю. Крайние мнения, выраженные резким языком, имеют в толпе наибольшую популярность».

В неограниченную демократию вообще, и особенно в крайнюю демократию того времени, Аристотель не имел никакой веры, замечая саркастически, что хотя афиняне и открыли две полезные вещи: пшеницу и свободу, но умели пользоваться только первой, а другой пользовались короткое лишь время, и то для того только, чтобы злоупотреблять ею.

Аристотель прожил честно, свободно и просто на земле шестьдесят три года. В этой жизни нет никаких нравственных подвигов, никаких особенных событий. Аристотель жил среди людей настолько, что мог прекрасно их знать и понимать, но он не вмешивался в дела толпы, не заражался мелкими интересами дня, а стоял в стороне, почему и мог спокойно заниматься умственным трудом, который всегда зреет в тиши.

Можно сравнить Аристотеля с другими известными личностями его времени: Платоном, Демосфеном, Александром Македонским и Каллисфеном.

Платон, потомок Кодра и Солона, уже по одному своему происхождению был как бы предназначен сделаться автором аристократического «Государства», стать тем идеалистом-философом, для которого идея – все, а вещество есть нечто суживающее, ограничивающее идею, даже оскверняющее ее. Он смотрел на мир вдохновенным взором. Его можно назвать поэтом-философом, который тяготился действительностью и только в области вечного и идеального чувствовал себя как дома. Вся

умственная деятельность Платона проникнута благородной и рыцарской смелостью; он ищет приключений и любит таинственное.

Аристотель во многих отношениях представлял резкую противоположность Платону; нельзя сказать, чтобы он любил людей толпы, как Сократ, происходивший из семьи ремесленников, но он не чувствовал к ним брезгливости, отличавшей Платона. Аристотель хотя и рос при македонском дворе, но не видел примеров высокомерного обращения с людьми, потому что в то время отношение македонских государей к придворным было простое, дружеское, патриархальное. Аристотель пришел к Платону уже со сложившимся характером и привычками, поэтому никогда не мог вполне проникнуться его влиянием. Платон был на сорок пять лет старше Аристотеля. В то время как явился к нему Аристотель, он уже приобрел привычку иметь дело с учениками, безусловно принимавшими его идеи. В Аристотеле для него было нечто совершенно новое, что его неотразимо влекло и в то же время глубоко отталкивало. Пытливый и в высшей степени живой ум Аристотеля приводил его в восторг своей обширностью, но ему не нравилось, что он направлен был на изучение действительности. В то же время он чувствовал себя бессильным изменить ненавистное ему направление ума своего ученика. В отношениях Платона и Аристотеля было много драматического. Платон называл Аристотеля душой своей школы и в то же время не мог равнодушно смотреть на его тщательно и даже щегольски обутое ноги. Ему казалось, что дерзкий, независимый ученик этими своими ногами попирает то глубокое презрение ко всему житейскому, которое он воспитал и вскормил в своей горделивой душе. И это, в сущности, так и было. Аристотель был убежден, что в жизни человека все заслуживает внимания и изучения; презрительное отношение Платона к мелочам жизни его также воз-

мушало.

Платону, мы знаем, не нравились ни образ жизни Аристотеля, ни его манера держать себя и одеваться. Аристотель одевался изысканно и несколько причудливо; его обувь отличалась особенной опрятностью; волосы его были щегольски пострижены, и это было также не во вкусе Платона. Тонкие, гибкие пальцы Аристотеля были украшены множеством колец. Его небольшой, хорошо очерченный рот неизменно сохранял саркастическое выражение в то время, как он говорил с замечательной легкостью. Все это казалось Платону несовместимым с характером философа и было причиной того, что Платон оказывал предпочтение Ксенократу, который впоследствии занял место Платона в Академии. Однако Платон отдавал должное и Аристотелю: его дом он называл «домом чтеца»; в этом заключался намек на необыкновенную начитанность Аристотеля.

Греки были восторженные любители пламенного, цветистого красноречия. Изложение Платона отвечало их вкусу; скупой на слова Аристотель долгое время мало их привлекал. Аристотель нисколько не стремился нравиться афинянам, оставаясь при своем убеждении, что язык должен соответствовать предмету, и сознавая, что его изложение отвечало самому духу его философии. Аристотель относился к Платону двойственно. Сознательно Аристотель был проникнут глубоким уважением к Платону, а инстинктивно он не мог не раздражаться этим вечно вдохновенным взором, не замечавшим ничего земного. Диалектические тонкости Платона казались Аристотелю пустой тратой времени. Платон представлял собой тип ума дедуктивного, математического; Аристотель же, по природе своей, склонен был к индукции. Платон любил находить всюду сходство между вещами, Аристотель же с любовью останавливался на их различии. И у Платона, и у Аристотеля умственная деятель-

ность преобладала, ею совершенно определялся нравственный характер того и другого; этот характер проявлялся во всех мелочах, которыми Платон и Аристотель постоянно кололи друг другу глаза.

Если параллель с Платоном характеризует Аристотеля главным образом со стороны умственной, то сравнение с его современником Демосфеном оттеняет личность Аристотеля в ее отношении к действительности того времени. Жизнь Демосфена рисует нам самыми яркими красками то, что переживал в то время в Афинах человек не пришлый, каким был Аристотель, а кровно с ними связанный. Афины гибли, и, чтобы спасти их, надо было прежде всего победить их беспечность и раскрыть им замыслы Филиппа. Но для последнего надо было хорошо говорить, и вот мы видим, что косноязычный Демосфен подвергает себя всяким лишениям, труду и испытаниям, и наконец, достигает красноречия. Но все это только начало страданий человека, который в то время воплощал собой истерзанное сердце Афин. Это была лихорадочная жизнь: надежда сменяла отчаяние и отчаяние заступало место надежды. Любовь к погибающей отчизне брала верх у этого настоящего патриота над всеми остальными чувствами. Когда разнеслась весть о смерти Филиппа, Демосфен, предаваясь неистовой радости, расхаживал по улицам Афин с пестрым венком на голове, несмотря на то что это было через несколько дней после смерти его нежно любимой дочери. Сознавая, что отечество в опасности, Демосфен вместе с другими демагогами бесцеремонно хватал всякого за шиворот, заставляя почувствовать эту опасность и спасти родину. Как ненавистен был ему в это время Аристотель, спокойно наблюдавший своими зоркими глазами симптомы этой агонии! Подобное еще можно было простить Платону, ум которого вечно витал в облаках, но не Аристотелю, этому земному богу.

Объективность Аристотеля обуславливалась не одной любознательностью, заглушившей все остальные чувства. Видно было, с какой страстной ненавистью относился он к Персии, как живо чувствовал семейное горе и радости; безучастность его к тому, что волновало в то время афинян, имела другие причины. Он был, как мы видели, полугрек-полумакедонянин и поэтому не мог разделять увлечений демагогов, а смотрел на них со стороны. Демосфен был палачом всего свободного, индивидуального в человеке; Аристотель же, как известно, стоял за неприкосновенность индивидуальности.

Демосфен и Аристотель оба умерли в один год. Таким образом Греция почти одновременно лишилась и своего сердца, и своей головы. Аристотель, как мы видели, умер от болезни, с которой всю жизнь упорно боролся. Демосфен же сам лишил себя жизни, доказав, что не робкое сердце в нем билось, что умел он любить и страдать.

От Демосфена можно перейти к философу Каллисфену, родственнику и воспитаннику Аристотеля, которого последний оставил вместо себя при Александре Македонском.

Мать Каллисфена, Геро, была племянницей Аристотеля. Аристотель послал Каллисфена к своему ученику как представителя науки и философии; Каллисфен сопровождал македонского царя в отдаленных путешествиях и походах. Зная характер Александра, не выносившего противоречий, Аристотель советовал Каллисфену не выражать резко своих мнений, чтобы не раздражить македонского царя, избалованного победами и привыкшего к лести царедворцев и к глубокой покорности.

Гордый и независимый Каллисфен не хотел или не мог следовать внушениям своего родственника. Александр, опьяненный своей славой, становился все заносчивее: он утверждал, что происходит от богов, и не знал предела своему ненасытному честолюбию. Маке-

доняне, привыкшие к благородной простоте своих монархов, возмущались такой переменной и Каллисфен открыто принимал их сторону: он явился перед царем выразителем того чувства, которое питал каждый неиспорченный македонянин. Смелость его была вызвана не одной только природной гордостью, но также большой привязанностью к Александру или вернее, ко всему, что в нем было сильного, прекрасного. Воспевать славу Великого Александра было потребностью его пылкой души, но для этого ему было необходимо, чтобы жизнь героя не омрачалась недостойными действиями. Каллисфен был первым историком царствования Александра, от руки которого он, однако, и погиб. Об основных причинах раздора между Александром и Каллисфеном уже говорилось. Поводом же к нему послужил, как утверждает Плутарх, спор Каллисфена с Анаксаргом, происходивший в присутствии Александра. Каллисфен говорил, что климат местности, в которой они находились в то время, суровее климата Греции. Анаксарг поддерживал противоположное мнение. Каллисфен, возражая ему заметил между прочим: «Согласитесь же сами что в Греции вам приходилось спать ночь под одним легким одеянием, а здесь вам мало и трех толстых ковров». Противник обиделся приняв это за намек на свое прошлое бедственное состояние, и начал против Каллисфена козни вместе с другими софистами.

Софисты и льстецы сердились на Каллисфена за то, что молодежь увлекалась его красноречием; любили его и пожилые люди за глубину его мыслей, умеренность и правильность образа жизни. Каллисфен был родом из большого и цветущего города Олинфа, разрушенного Филиппом. Аристотель убедил его сопровождать Александра в Азию, обещая добиться от Александра восстановления его родного города и возвращения на родину его сограждан. Каллисфен не скрывал истин-

ной цели своего пребывания в Македонии. В характере Александра в то время произошли уже резкие перемены, которые не нравились независимому философу; он часто отказывался от царских приглашений, а когда бывал у царя, то всегда смотрел на него мрачными глазами и хранил глубокое молчание. Александр чувствовал и имел полное основание подозревать, что Каллисфен не одобряет его образа жизни и поступков. Это сдержанное глубокое недовольство было острым ножом для Александра; он говорил: «Я ненавижу мудреца, у которого не хватает мудрости пересилить самого себя».

Плутарх рассказывает, что однажды у царя македонского было, по обыкновению, много гостей, в числе их невольный собеседник и гость Каллисфен. Когда Каллисфену подали кубок с вином, то все стали его просить сказать хвалебную речь македонянам. Он выполнил это со своей полугрустной, полупрезрительной улыбкой, но говорил так хорошо, что вызвал неистовые рукоплескания. Гости не могли усидеть на своих местах и забросали его венками. Но царь ему заметил: «На богатую тему нетрудно хорошо говорить, не так легко тебе было бы сказать что-нибудь против нас. А может быть, это было бы полезней, послужило бы к нашему исправлению». Каллисфен согласился и на это; откровенно и смело выставил он недостатки македонян, сказал, что могущество Филиппа целиком создано раздорами греческих государств между собой и заключил свою речь стихом из Еврипида: «В мятежное и смутное время возвыситься могут и злейшие люди». Эта речь возбудила к нему ненависть. Александр сказал: «Все это ты убедил нас больше в своей к нам ненависти, чем в ораторском таланте».

Гермин, уроженец Смирны, написавший биографию Аристотеля, свидетельствует, что все это с мельчайшими подробностями сообщено было Аристотелю Стрэбом, тцемом

Каллисфена. Аристотель, зная характер Александра, ужасался безумной смелости Каллисфена и совершенно ее не одобрял. Это объясняется не одной житейской опытностью, какой в то время обладал Аристотель, но теми воззрениями на нравственность, с какими мы познакомимся в этике Аристотеля. Основным правилом этики Аристотеля было: «Ничего через меру». Поступки же Каллисфена прямо противоречили этому правилу. Каллисфен, хотя и был воспитан Аристотелем, все хватал через край и потому погиб. Это, может быть, еще более убедило Аристотеля в справедливости его нравственных воззрений. Во всех других отношениях Каллисфен мог служить и служил представителем Аристотеля при македонском дворе. И к науке, и к философии, и к Александру Македонскому он относился так же, как и сам Аристотель.

Остается теперь дополнить несколькими чертами историю отношений Аристотеля к Александру Македонскому. Приехав в Македонию по приглашению друга своего Филиппа Македонского, Аристотель деятельно принялся за воспитание Александра. Молодой Александр был замечательно щедро одарен от природы. Во время обучения он всей душой привязался к Аристотелю и говорил сам, что любил Аристотеля не меньше родного отца: отец дал ему жизнь, Аристотель же учил его жить хорошо и любить добродетель. История не сохранила подробностей воспитания великого монарха великим философом, но можно себе представить, какие чувства внушал Аристотель своему питомцу. Он сознательно и бессознательно разжигал честолюбие в своем ученике и внушал ему ненависть к Персии. Александр не расставался с «Илиадой» Гомера, и любимым его героем всегда был Ахилл. Аристотель дал Александру чисто энциклопедическое образование, сообщил ему свои медицинские познания и развил вкус к исследованиям природы. Известно, что Александр впо-

следствии лечил своих приближенных. Александр рос и развивался не по дням, а по часам, и по смерти своего отца вступил на престол двадцати лет от роду.

Афинские демагоги ожили и подняли свои головы при известии о смерти Филиппа. В Афинах презрительно относились к молодости Александра, который говорил: «Демосфен называет меня ребенком; под стенами Афин я покажу ему, что я теперь вырос и возмужал». Действительно, афиняне это скоро почувствовали, и надежда на освобождение их снова покинула. Первые шаги Александра на поприще монарха Македонии были не только блестящи, но и прекрасны. Аристотелю выпало в то время на долю счастье видеть, как все посеянное им в душе ученика прекрасно взошло. Как уже говорилось, Александр осыпал милостями своего учителя и тратил большие суммы для доставления ему богатых коллекций редких животных, растений и минералов. Любовь его к науке была настолько известна, что покоренные им народы подносили ему свои астрономические наблюдения, которые он передавал Каллисфену для пересылки их Аристотелю. Аристотель с глубокой страстью предавался своим наблюдениям, исследованиям и размышлениям в то время, как от руки его ученика падали городские стены; и в ушах Стагирита постоянно раздавался несмолкаемый гром побед македонского государя.

Не так легко было Аристотелю покорять умы афинян. Перед ним преклонялись, у него действительно учились немногие. Семья перипатетиков была не особенно велика. Философия Аристотеля, как было сказано, заключала в себе чуждый элемент для афинян – естественнонаучную подкладку. Слава Александра между тем все увеличивалась, но в то же время сверхъестественные успехи, лесть и поклонение его опьяняли. Радуюсь победам его в Персии, Аристотель сокрушался, что по-

бедитель покорялся сам персидским нравам.

Мало-помалу Аристотель совершенно охладел бы к Александру, если бы глубокая, привязанность к ученику не была вырвана из души его с корнем, оставив, конечно, в ней глубокую, неизлечимую рану. Нибур говорит: «Александр в юности был бесспорно привязан к Аристотелю; в этом нет ничего удивительного: тигренок и львенок также лизут руки у тех, кто ухаживает за ними в детстве, и это продолжается до тех пор, пока не разовьется в них зверство».

После смерти Каллисфена сношения Александра с Аристотелем были столь же редки, сколь и тягостны для них обоих. Глубокое молчание обеих сторон говорило яснее слов о том, что происходило в душе каждого из них. В Александре было столько хорошего, что он не мог не чувствовать угрызений совести, и их необходимо было чем-нибудь заглушать. Его болезненная жажда ослепительной славы все росла и росла. По временам сознание освещало ему мрак земли могильной; в такие минуты он, конечно, любил Аристотеля, но он, разумеется, избегал их, потому что тогда перед ним всплывали образы его жертв: Клита и Каллисфена.

Из биографии Аристотеля ничего не известно о его отношениях с Александром в последние годы жизни царя, однако видно, что философ находился в постоянном общении с лицами, приближенными к македонскому государю. Полководец Александра Антипатр был другом Аристотеля. Философ поручил ему исполнение своей последней воли, сделав его своим душеприказчиком. Александр под конец своей недолгой жизни (он жил тридцать три года) перестал надеяться на покровительство богов и сделался подозрительным и недоверчивым ко всем, кто считал его человеком а не богом. Более всех он опасался Антипатра и его сыновей; младший из них, Кассандр только что прибыл из Афин,

где, очевидно, находился в тесных отношениях с Аристотелем Кассандр, увидев, как персы падают в ноги Александру, громко рассмеялся, потому что получив воспитание в Греции, он никогда не видел ничего подобного. Александр рассердился, схватил его за волосы и сильно ударил об стену. Когда Кассандр назвал клеветниками каких-то македонян, приехавших издалека Александр заметил: «Кто же поедет так далеко чтобы без малейшего основания клеветать на твоего отца?» Находчивый Кассандр отвечал: «Для этого и надо было уехать подальше, ведь на месте их легко было бы уличить во лжи» Александр, услышав такой ответ, сказал с презрительным смехом: «Вот образец софизмов учеников Аристотеля, они одинаково хорошо умеют говорить и за и против». И это был последний дошедший до нас отзыв великого завоевателя о своем учителе.

Бессмертный учитель и бессмертный ученик живут и теперь в памяти людей, но представляют резкие примеры двух видов бессмертия. Александр Македонский жил так, как будто чувствовал, что каждому его слову и движению предназначено жить в потомстве; это была не жизнь, а какая-то бессмертная драма жизни, у которой автор и исполнитель – одно лицо. Писать биографии Александра находилось всегда бесчисленное множество охотников. Аристотель в этом отношении был далеко не так счастлив: его жизнь известна не только менее жизни Александра, но о ней знают немного сравнительно с жизнью Сократа и Платона, может быть, потому, что Аристотель завещал потомству не свою жизнь, а свои мысли, жизнь же его послужила только простым и прочным пьедесталом для такого рода бессмертия.

В философии Аристотеля нужно отличать критический разбор учений, ему предшествовавших, от развития его собственной философии. Критические разборы Аристотеля от-

личаются сдержанностью и справедливостью; он не искажает мыслей своих предшественников, а стремится дать о них верное понятие. Сочинения Аристотеля служили и служат лучшим источником сведений о греческих философах. Прежние учения сделались основой его собственного вполне самобытного учения; последнему суждено было бессмертие в будущем также и потому, что оно было органически связано с прошлым.

Аристотель, как и предшественник его Платон, имел самое возвышенное мнение о назначении философии. В первой книге своей «Метафизики» он говорит: философия есть наука, имеющая предметом исследование первых начал и причин вещей или сущности явлений. Многие науки нужнее философии, но она выше всех наук. Все другие знания имеют целью удовлетворение нужд житейских, а философия чужда всякой корысти. Она зарождается в то время, когда добыты средства для удовлетворения физических потребностей. Источник философии – это наше стремление постигнуть все непонятное и поразительное силою мысли.

Аристотель, соглашаясь с Платоном, что предмет философии – исследование сущности вещей, расходился со своим учителем в определении последней. У Платона сущность вещей отделялась от них самих и обитала в царстве вечных и неизменных идей. В глазах Аристотеля сущность вещей и явлений заключалась в них самих; исследуя эти явления, наука составляет общие понятия, устанавливает начала и через сочетания их образует свои теории и доказательства. Платон утверждал, что всякое явление только затемняет, портит свою идею; Аристотель же, наоборот, говорит: «Каждое явление проникнуто идеей и служит живым ее выражением». Платон, не выходя из идеального мира, не объяснял явлений; Аристотель первый поставил новую задачу философии: исходить из общих начал для объясне-

ния частных явлений.

Наконец, Аристотель отделил в философии науку о явлениях внешнего мира от учения о нравственности. Указав философии новую цель, Аристотель дал ей и средства для достижения этой цели, которые заключаются в его логике. В его сочинениях, относящихся к логике, он рассматривал различные формы нашего мышления («Категории», «Об истолковании», «Первая аналитика»), способы доказательств, или логический метод («Вторая аналитика»).

В «Первой аналитике» Аристотель подробно объясняет образование понятий, суждений и умозаключений и перечисляет их различные виды. Он говорит: каждый предмет или имеет данные свойства, или их не имеет. Эти свойства, или общие понятия, которые мы находим или не находим в данных вещах, Аристотель называет категориями; он насчитывает их десять, а именно: категории бытия, количества, качества, отношения, времени, места, положения, владения, действия и страдания. Во «Второй аналитике» Аристотель дает учение о доказательствах. Задача науки, по Аристотелю, есть познание причин явлений; объяснять явления – значит выводить их из необходимых причин, служащих им основанием, это и называется доказывать. Наука есть знание, основанное на доказательствах, в которых подлежащему приписывается известное сказуемое на основании причины, почерпнутой из наблюдения. Но знание, основывающееся на доказательствах, требует чего-нибудь несомненного, иначе доказывать пришлось бы без конца. Аристотель различает два рода знания: непосредственное и опосредованное; первое относится к высшим началам и к чувственному восприятию, второе состоит в доказательстве с помощью умозаключений. Начала, или аксиомы, не могут быть выведены из чего-нибудь более несомненного; в таком случае они не были бы началами. Однако и для

них возможно находить основание – оправдывать их принятие. Наведение (индукция) состоит в восхождении от частного к общему, от известного кому-то одному к известному всем и каждому. Доказывание и наведение являются, таким образом, процессами обратными и образуют научное знание. Истина всегда и везде устанавливается не наблюдением, а размышлением, наблюдение же убеждает нас в действительном существовании истины, т. е. в присутствии ее в данных явлениях. Из сказанного легко усмотреть, как объяснял Аристотель происхождение знания. Он говорил, что прежде всего необходимо отличать возможность (потенцию) от действительности. В качестве возможности (способности) наш ум содержит в себе все общие понятия; в действительности же он обладает ими, когда их приобретет. Отношение между возможным и действительным знанием Аристотель объясняет примером, сравнивая возможное знание с чистой доской, а действительное с доской исписанной.

Начала знания согласно Аристотелю двоякие: формальные (логические) и реальные. Главное между формальными началами, или аксиомами, есть закон противоречия, с которым сопряжено так называемое начало исключенного третьего. Но формальные начала не могут дать определенного содержания исследованиям, они представляют собой только орудия, которые для создания чего-нибудь нуждаются в материале; последним служат реальные начала, свойственные каждому особенному, роду предметов исследования. Общие формальные начала во всех науках одни и те же, но предметы их различны.

Логика Аристотеля состоит из шести трактатов, из которых некоторые в древности и в новое время неосновательно признавались подложными. Эти трактаты следующие: 1) «Категории»; 2) «Об истолковании»; 3) две книги «Первой аналитики», или так называе-

мый трактат о силлогизме; 4) две книги «Второй аналитики», или трактат о доказательстве; 5) трактат о диалектике и 6) «О софистических опровержениях». Все эти сочинения известны под общим названием аристотелевского «Органо́на»,

Говоря о логике Аристотеля, следует привести его учение о силлогизме.

По определению Аристотеля, силлогизм есть такое общее предложение, которое, после установления известных частных предложений, выводит заключение, отличное от этих предложений, но не содержащее никакой не заключающейся в них идеи. Так, все дурные люди жалки; всякий тиран – дурной человек: следовательно, все тираны жалки. Аристотель дал нам анализ шестнадцати форм силлогизма, который в настоящее время с логической точки зрения признается удовлетворительным.

Существенное отличие философии Аристотеля от философии Платона следует видеть в том, что он отвергает возможность существования идей отдельно от вещей. Вся остальная разница заключается в словах. Идею Аристотель называет формой, считает чем-то присущим вещи и отделимым от нее только мысленно: посредством логического процесса абстракции. Он признает четыре причины всякого факта: материя, идея, или форма, сила и конечная цель. Аристотель, как и Платон, допускает вечность материи. Сверх того, он вводит в свою философию два новых понятия: возможности (потенциальности) и действительности (актуальности). В природе яйцо – это птица в возможности. Материя по отношению к форме, к идее – то же, что возможность по отношению к действительности. Всякая вещь представляет в одно и то же время возможность и действительность, материю и форму. Юноша является сформированным по отношению к ребенку, но он представляет бесформенную материю сравнительно со взрос-

лым человеком. Эти понятия играют такую выдающуюся роль в изложении всех воззрений Аристотеля, что знакомство с ними является существенной необходимостью. Нетрудно себе представить, что ими объясняется многое в учении Аристотеля о природе вообще и о природе человека в особенности.

В физике Аристотеля, под которой он разумел учение о мире и человеке, не все служит выражением его философских воззрений. Природу Аристотель рассматривает как органическое, гармоническое целое, состоящее из последовательных, связанных между собой звеньев; она, по его выражению, не похожа на плохую трагедию. В самой большой связи с философией Аристотеля находится его учение об органической природе.

Очевидно, Аристотель представляет природу самостоятельной внутренней силой, способной сообщать телам движение и удерживать их в покое. Природу он отождествляет с живой мировой силой и признает, что всю вселенную проникает оживляющая теплота. Он сравнивает эту природу с художником, который действует не по полному сознанию, но под влиянием неясного побуждения, а потому называет ее не божественной, а только демонической. В этом, по его мнению, следует искать объяснение того, что в природе так часто имеет место случай и неожиданность. В этом также заключается причина многих несовершенств, замечаемых в природе, деятельность которой представляется Аристотелю, таким образом, инстинктивной. В то же время Аристотель утверждает, что природа стремится всегда к одной цели. Целесообразность он признает во всех ее проявлениях; он говорит, что только ввиду цели ласточка вьет свое гнездо. То же самое замечается и в растениях, которые для своего питания пускают корни внутрь земли, а не на ее поверхности. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что в природе два начала: материя и

форма, или действующая идея. Если природа действует иногда ощупью, делает уклонения и ошибки, это принадлежит материи. Необходимо допустить, что бог приводит в движение материю. Как дисциплина существует вместе и в армии, и над нею в уме полководца, так бог есть в одно и то же время закон и законодатель, порядок и распорядитель вещей. Так как движение есть сущность природы, то физика есть, собственно, теория движения; ее исследования относятся к неподвижному (божественному), к подвижному нетленному (небу) и к подвижному тленному, или к подлунной природе. Движение Аристотель отождествляет с идеей изменения.

Аристотель доказывает, что не было времени, когда бы не существовали изменение и движение. Если бы все вещи находились в покое, то первое движение должно было бы произойти от какой-нибудь перемены в некоторых из этих вещей, т. е. должна быть какая-нибудь перемена прежде первого движения и т. д. Это приводит к признанию существования первого двигателя. Движение должно совершаться постоянно, продолжаться или непрерывно, или последовательно. Однако постоянство более свойственно непрерывному, чем последовательному. Итак, непрерывное лучше. Но мы всегда предполагаем, что в природе происходит лучшее, если оно возможно. Поэтому движение первого двигателя должно быть непрерывное, если такое вечное движение возможно. Шаткость такого доказательства очевидна. Аристотель старался решить несколько великих вопросов о вселенной, раскрывая смысл слов и выражений, обозначающих самые общие понятия о вещах и их соотношениях.

Аристотелю, по-видимому, совершенно неизвестны были мнения ионийцев и пифагорейцев о свободном движении небесных тел в пространстве, которые, однако, заключали в себе в зачаточном состоянии теорию всемирного тяготения. Главные положения аристоте-

левской астрономии суть следующие: на небе господствует гораздо больший порядок движений, чем на Земле. Эти небесные движения могут быть только простейшие и совершеннейшие, т. е. исключительно кругообразные движения, именно, такие, в которых тела постоянно движутся вперед в одном направлении и все-таки возвращаются только к своему первоначальному положению. Эти небесные тела – существа, не подверженные страданиям, достигшие лучшей цели; они ближе к божественному, чем Земля и живущие на ней люди. Небо имеет свою душу и начало своего движения в самом себе, и это движение не нуждается ни в каком отдыхе, как, например, бывает у животных, потому что совершается без труда и не влечет за собой утомления. Превосходство этого движения небесных тел состоит также в том, что от правой стороны оно опять приходит к правой. Впрочем, это относится только к самому верхнему небу, где живут созвездия. Но низшие сферы заключают в себе планеты, и эти последние – не такие совершенные существа, потому что они движутся и налево, и направо. В середине мира стоит Земля, потому что земное всегда стремится к средоточию мира.

Многие обширные трактаты Аристотеля состояли почти исключительно из собрания одних фактов, например трактаты «О звуках» и «О задачах механики». Современные нам механика и гидростатика основаны исключительно на фактах, которые древним были так же хорошо известны, как и теперь. Аристотель имел также представление о шарообразности Земли. Прошло столетие после Геродота, прежде чем Евдокс Книдский, почерпнувший свои сведения от египетских жрецов, а затем и Аристотель, признав учение о шарообразности Земли, подтвердили его несомненными доказательствами и распространили между всеми образованными людьми того времени.

Аристотель пытался также создать механику, но относил причину движения не к силе, а старался объяснить его свойствами пространства, т. е. вводил геометрические идеи вместо механических. Этим обстоятельством объясняют его неудачу. Основание механики было впоследствии положено Архимедом. Удачнее были первые шаги Аристотеля в области метеорологии: он говорил о происхождении ветров, бурь, о метеорах, землетрясениях, морских приливах и отливах и старался объяснить явление радуги. «Радуга, – говорит он, – производится отражением от облака, противоположного Солнцу, когда облако обращается в капли». Что касается явления прилива и отлива, то оно сильно занимало мысль Аристотеля; сложилась даже легенда, будто он бросился в море, потому что не мог себе объяснить этого явления. Вообще можно сказать, что в размышлениях о морских и воздушных течениях Аристотель был близок к истине и начало метеорологии положено им.

Но во всем своем блеске его гений проявился в науке об органическом мире. Здесь целесообразность казалась ему очевиднее, и это сильно его воодушевляло. Природа здесь, по его мнению, проявляет больше искусства и изобретательности, выбирая везде самые простые и лучшие средства для достижения цели. Организмы, которые производит природа (растения, животные, люди), отличаются от тел неорганических тем, что они получают свои побуждения от внутреннего начала. Душа животного по развитию выше души растения; она обладает способностью чувствовать и удерживать чувственные впечатления. Ощущения зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания сходятся в общем чувстве. Чувствительная к радости и к страданию душа животного стремится к тому, что производит на нее приятное впечатление, и избегает противоположного. Отсюда самопроизвольное движение животного. Ко всем этим преимуществам у

человека присоединяется еще разум. Благодаря ему человек есть венец природы, конечная ее цель, к которой природа стремится через постепенно усложняющиеся формы животного царства.

Отношение организма к душе есть отношение между материей и формой, между возможностью и действительностью и между способностью и деятельностью. Ввиду этой тесной связи организм существует и живет только благодаря душе; душа есть его конечная причина и цель; но душа существует только тогда, когда одушевляет, когда она живет в теле. Чувствовать, желать, домогаться без телесных органов невозможно, по Аристотелю, как ходить без ног. Душа для тела то же, что острие топора: если предположить топор живым организмом, то акт рубки составлял бы душу топора. Очевидно, Аристотель считал основные отправления души нераздельными с телом.

Аристотель видел назначение природы в создании мужчины; рождение женщины он считал некоторым уродством и объяснял это явление тем, что у зародившегося человеческого существа не было силы развиться вполне. Он признавал также ненормальным явлением, если сын не был похож на своего отца.

Мы не станем вдаваться в более подробное изложение учения Аристотеля об органической природе; заметим только, что изучавшие его натуралисты Бюффон и Кювье относились к нему вообще с большим уважением, поскольку Аристотель принес большую пользу зоологии и сравнительной анатомии, оставив описание многих животных. Итак, мы видим, что Аристотелю, прозванному мыслящим наблюдателем, действительно более удались наблюдательные, чем опытные науки.

Большая часть сочинений Аристотеля, относящихся к математике, потеряна, а в том, что до нас дошло, заслуживают особенного внимания его мысли о бесконечности. Нет со-

мнения, что Аристотелю известна было все то, что думал о математике Платон.

Учение Аристотеля о душе составляет как бы переход от органической природы вообще к венцу ее – человеку. Аристотель в своем учении о душе собрал все ценное у своих предшественников, присоединив к этому и собственные исследования и размышления. Но в некоторых отношениях учение Платона отличается большей полнотой, особенно в тех вопросах, где проявляется самонаблюдение, способность, которая была больше развита у Платона, чем у Аристотеля. Таким образом Платон в «Федре», «Филебе» и в других диалогах представил довольно подробный анализ душевных волнений и страстей, которых едва касается, Аристотель в своем трактате «О душе»,

Аристотель утверждает, что душа относится к телу, как форма к материи. Но вместе со всем этим он допускал существование разума, называя его формой форм. Относительно этого разума душа представляет материю. Душа принадлежит не только человеку: каждое органическое существо одарено жизненной силой, или душой, в которой заключается внутренняя причина и конечная цель всякого органического движения или развития. На этом основании Аристотель допускает, что степень телесного совершенства зависит от жизненной силы, или души, а не наоборот, как это утверждали некоторые из прежних греческих мыслителей. Степеней души, обуславливающих известные степени совершенства в развитии органической природы, Аристотель различает три, а именно: душу растительную, животную и разумную, или человеческую.

Предмет антропологии есть человек как высшая ступень в развитии органической жизни. Остальная природа служит как бы приготовлением к появлению человека: все назначение ее – в человеке. Это, по мнению Аристотеля, доказывается тем, что все в природе

служит человеку.

Физиологическая часть учения Аристотеля состоит в простом описании процессов человеческой жизни без всякой предвзятой философской идеи. Учение Аристотеля о человеческой разумной душе состоит из ценных наблюдений психологического характера. Он первый положил основание опытному изучению души в связи с телом и в то же время рассматривал ее как микрокосм, в котором отражается весь мир.

Вундт говорит, что несходство Платона с его великим учеником ищут обыкновенно на почве философии, между тем как их главное различие в этике. Вопрос, к которому сводятся все суждения Аристотеля в области этики, заключается не в том, какое значение имеет добро само по себе, как у Платона, а в том, чем оно является для человека в условиях нашей обыденной земной жизни. Он заметил, что всего полезнее оказываются для самого человека и для других людей поступки, в которых проявляется знание меры, умение выбрать среднее между двумя крайностями. Он возвел знание меры в главный принцип нравственности. Мы умышленно употребили выражение знание меры вместо умеренность, потому что оно лучше передает мысль Аристотеля со всеми ее оттенками. Если я пью и, заметив, что жажда моя утолена, перестаю пить, это значит – я знаю меру; если же я перестаю пить, несмотря на то, что хочу еще, то это значит – я себя умеряю. Нравственность, основанная на знании меры, является вполне естественной, служащей сохранению и процветанию наших сил, умеренность же – легкая форма аскетизма, к которому не склонен был Стагарит, всегда бравший под свою защиту природу человека. Аристотель признает и ясно высказывает, что человек по природе существо общественное, что общественные инстинкты, создающие семьи, товарищества, классы и национальности, со-

ставляя одну из наиболее выдающихся особенностей сложной человеческой природы, постоянно обладают достаточной и более чем достаточной силой; они бьют ключом подобно горным потокам, из которых при умении всегда можно извлечь пользу; их также можно сравнить с чрезмерной растительностью богатой почвы, которая не требует удобрения, а нуждается в мудром хозяйствовании. Аристотель безусловно верит в природу человека. В своей «Никомаховой этике» он посвящает две книги тому, что он называет *philia*. Это слово обыкновенно переводят «дружба», но в «Никомаховой этике» оно употребляется в более широком значении и обнимает собой все виды симпатий и склонностей людей друг к другу. Главной силой является любовь к совершенству. Жить как надлежит истинному человеку – идеал Аристотеля. Он как бы говорит: я хочу делать все, что наиболее прилично человеку; кто вздумает делать меньше, тот не человек. В то же время он не проповедует аскетизма, не дает человеку трудных, неразрешимых задач сверхъестественной нравственности, но учит высоко держать голову и предпочитать смерть низкому поступку.

Аристотель различает пять основных добродетелей, или, по-нашему, способностей: знание, искусство, предусмотрительность, рассудок, мудрость; знание и рассудок относятся к деятельности ума, искусство и предусмотрительность суть практические добродетели и стоят рядом с волей. Под именем предусмотрительности Аристотель понимает способность найти в отдельных случаях правильный путь на основании приобретенного опыта. Предусмотрительность является некоторым образом воспитательницей воли. Но в воспитании имеет значение привычка и происходящее при этом инстинктивное стремление к добру. На созданном привычкой равновесии между противоположными наклонностями покоится умеренность, которую Ари-

стотель вследствие этого рассматривает как необходимое условие всех добродетелей, не причисляя ее к ним. Учение о предусмотрительности сближает этику Аристотеля с сократовско-платоновской этикой. Это еще в большей степени относится к мудрости. Последняя является у Аристотеля результатом сочетания рассудка и науки. В рассуждениях о мудрости Аристотель выражает свои личные склонности к созерцательной жизни. Как ни высоко ценил он политическую жизнь, но все же предпочитал ей уединение, углубление в самого себя.

Учение Платона о добродетели не представляет ничего особенно оригинального в сравнении с учением Сократа. Он писал его под сильным впечатлением жизни Сократа. У Сократа философия и жизнь представляли одно целое. Биография Сократа есть лучшая история его философии. Ксенофонт говорит о Сократе: он был так набожен, что ничего не делал против воли богов; так справедлив, что не причинял никому ни малейшего вреда; настолько властелин своих чувств, что всегда предпочитал полезное приятному; его возвышенный разум позволял ему никогда не смешивать зло с добром. Одним словом, он вполне оправдывал название совершеннейшего и счастливейшего человека. Мы со своей стороны заметим, что жизнь Сократа как результат нравственного творчества представляет собой изящное произведение во всех тонкостях и подробностях. Можно сказать, Сократ положил все свои умственные силы на создание такой жизни и во всякой другой области сделал сравнительно со своими силами немного. Умственные интересы Аристотеля были многостороннее, обширнее и глубже; вопросы нравственности привлекали также его внимание, но он никогда не был им исключительно предан. Не в теории нравственности и не в одной нравственной жизни следует искать силу и значение Аристотеля; про-

ницательный философ очень хорошо понимал, что не одни только заботы: о нравственном совершенствовании составляют удел человека, – ему необходимо также изучить природу и ее законы.

В своих воззрениях на нравственность Аристотель весьма резко отличался от Платона. Платон проводит всюду отвлеченную идею добра, существующую независимо от отношения его к жизни. Аристотель же, напротив, утверждает что идея добра не дает нам возможности узнать какое отношение имеет это добро к практической жизни и каким путем можно его достигнуть. Предметом этики Аристотель признает не добро само по себе или вообще, а то, что оказывается полезным в нашей жизни. В своих общих воззрениях на добродетель Аристотель расходился с Сократом. Сократ, как известно, отождествлял добродетель с мудростью, в последней же видел способность покорять чувства.

Этому искусству, по мнению Сократа, возможно выучиться; верный самому себе, он учил добродетели, просвещая ум. Аристотель же находил корень добродетели не в рассудке, а в тех естественных склонностях, которые вначале имеют инстинктивный характер, а йотом уже сознанием направляются к содействию общему благу. Согласно такому воззрению, Аристотель отрицает возможность выучить человека быть добродетельным, непосредственно убеждая его рассудок. Добродетель мало понять, – необходимы навык и упражнение в поведении и поступках, заслуживающих название добродетельных. Все это сводится к воспитанию воли. Дурно направленная воля и при добрых намерениях, и при просвещенном рассудке мешает ему быть твердым в добродетели. Как бы то ни было, добродетель обуславливается совместным влиянием природных склонностей, разума и привычек, приобретенных в детстве. В сущности добродетель, по мнению Аристотеля, это

навык к общежитию. Он говорит, что число добродетелей не ограничено, оно определяется числом различных отношений, существующих между людьми. Добродетель мужа имеет свои особенности, то же относится к добродетели женщины, ребенка, раба. Но во всех случаях добродетели принадлежит один неизменный признак: это чувство меры, заставляющее человека выбирать среднее между двумя крайностями – наносить вред и терпеть напрасно.

Теория нравственности, завещанная нам Аристотелем, есть только выражение и подробное развитие древнего правила «ничего чрез меру». Нравственность Аристотеля не выдумана из головы, но выведена из наблюдений над природой человека.

«Политика» Аристотеля является венцом его этики; Аристотель вполне разделяет мнение Платона, что высшее благо может быть достигнуто только совместными усилиями отдельного лица и государства. Но он признает государственную жизнь выше индивидуальной не потому, что она преследует высшие цели, а прежде всего потому, что цели отдельных лиц лучше могут быть достигнуты с помощью государства.

В «Политике» Аристотеля можно найти все те общие выводы относительно форм правления, к которым он пришел тщательно изучая различные формы правления существовавших в то время мелких государств. Аристотель – как и следует глубокому наблюдателю – ни одну из форм правления не считает безусловно хорошей, а говорит, что она во всяком случае должна отвечать степени образованности данного народа и особенностям страны, разумея также географическое и экономическое ее положение. Он высказывал мнение, что счастливейшим можно назвать то государство, которым управляет добродетель, воплощается ли она в одном человеке или в нескольких лицах. Так как одного совершенного человека легче

отыскать, чем нескольких, а нескольких легче, чем многих, то Аристотель склонен предпочитать монархическое и аристократическое правление демократическому. Однако он отдаст должное и другим формам правления. Аристотель в «Политике», в противоположность Платону, стремился соединить интересы отдельного лица и государства. Он не желал жертвовать отдельными живыми лицами отвлеченной идее государства и этим отличался от Платона. В своей «Политике» Аристотель говорит решительно обо всем, что имеет важность для человеческой жизни: о власти и рабстве, о воспитании детей, о здоровье, о долголетию, о праве, о браке. Он заботится о человеке еще до его появления на свет, высказывает свои мнения о гигиене беременности, предписывая женщине в это время больше двигаться; он считает вредным для нее умственные занятия. Во всем этом проглядывает любовь Аристотеля ко всему живому, конкретному. Он завещал человеку любить самого себя и не отказывать себе ни в чем, что служит к усовершенствованию души и тела.

И Платон, и Аристотель, как известно, придавали большое значение делу воспитания. Аристотель как врач рассматривал его также с физиологической точки зрения.

Цель воспитания Аристотель формулирует следующим образом: воспитание, как и всякое искусство, имеет в виду восполнить недостатки природы. Воспитание юношества должно быть делом общественным; будущие граждане должны одинаково уметь повелевать и управлять, повиноваться и подчиняться. Учить следует не только тому, что полезно и необходимо; воспитание свободного человека должно преследовать также другие, более сложные задачи, должно развивать высшие интересы – эстетические и умственные. Учебные предметы, согласно Аристотелю, это: грамота, музыка, графика и гимнастика; последней, впрочем, он не советует слишком увлекаться и

считает излишним стремление возвращать силачей и атлетов. Музыка придает он большое значение в деле воспитания и говорит, что назначение музыки облагораживать настроение. Аристотель утверждает, что музыка приучает человека испытывать то или другое чувство, развивать его и укреплять. Это и делает ее незаменимым средством в деле воспитания чувств. Аристотель вообще придает большое значение привычке в деле воспитания; он пришел к этому заключению наблюдением и опытом.

Аристотель требовал от школы, чтобы она создавала людей, способных к гражданской жизни, которые могли бы и жить на войне, и вести мирные дела, и наслаждаться досугом. В то же время школа не должна была учить их быть гражданами, потому что это не ее дело.

Верный самому себе, Аристотель советует родителям давать как можно больше свободы детям, ничем не стеснять их природных склонностей. Он находит вредным не позволять ребенку кричать и шуметь, и т. д. В своих понятиях о жизни свободного человека Аристотель является столько же философом, сколько естествоиспытателем.

Перейдем теперь к изложению мыслей Аристотеля о власти и рабстве. Уже самым рождением определяется различие между тем, кто назначается к подчинению, и тем, кто создан для власти. Но между властвующими, как и между подчиняющимися, существует множество видовых различий.

Всякое живое существо состоит из души и тела. Естественное отношение между ними таково, что душа властвует, а тело подчиняется. Подчинение тела душе полезно как для души, так и для тела, тогда как равенство или обратное отношение их между собой вредно. То же отношение существует между человеком и прочими животными. Домашние животные по природе своей лучше диких, для них луч-

ше быть в подчинении у человека, потому что через это подчинение они достигают своего собственного блага. Мужчина лучше женщины по самой природе, потому он властвует над ней и она ему подчиняется. Существуют люди – рабы по природе, и для них самое лучшее быть в подчинении у той же власти, которой подчиняются тело и животные. Природа, желая установить различие между свободными и рабами, делает различие между самыми их телами. Тела рабов сильны, так что они могут быть употребляемы на разного рода работах, необходимых в жизни; а тела свободных не способны на такие работы, зато свободные люди годны для политической и научной деятельности.

Деятельность домохозяина в семейной жизни может быть рассматриваема с трех сторон: с одной, в отношении его как господина к рабу, с другой – в отношении его как отца к детям, и с третьей – в отношении его как мужа к жене, потому что глава семьи имеет власть и над женой, и над детьми – как над свободными. Над женой он властвует как правитель в аристократически устроенном государстве: отношение мужа к жене – это дружеский союз между двумя неравными лицами. Над детьми же отец властвует как царь. Родивший имеет, конечно, власть над рожденным, как на основании любви своей к нему, так и по причине своего старшинства; а власть, опирающаяся на такие основания, относится к роду царской власти.

Аристотель ставит такие вопросы: доступна ли рабам иная, высшая, деятельность, и если доступна, то чем тогда они будут отличаться от свободных? Если жена должна во всем подчиняться мужу, то может ли она быть рассудительна, мужественна? Странно допустить, что она ко всему этому не способна. Но часто случается наоборот: есть люди, которые только по телу свободны, а другие только по духу. Сама справедливость требует, чтобы природ-

ные рабы служили природным господам. Но природных рабов следует отличать от рабов по закону. В отношении между рабом и господином, если каждый из них таков по своей природе, имеют место как взаимная польза, так и взаимная дружба. Но противоположные явления бывают тогда, когда эти отношения устанавливаются не природой лиц, а основываются на законе и праве сильного. Господином называется кто-либо не потому, что он знает науку управлять людьми, но потому что на самом деле он рожден властвовать.

Кто имеет раба, но не умеет владеть им, для того раб и его собственное господство над ним ничего не значат.

Сочинение Аристотеля о поэзии, как и все другие, подверглось превратным толкованиям; Аристотеля совершенно напрасно обвиняли в грубом материализме.

Греки считали образное представление истинной целью поэзии. Но чтобы вполне образно представить людей, чтобы вывести их как бы живыми, потребно сильное воображение и свободное творчество. О выражении собственных чувств греки совсем не думали; у Аристотеля также об этом нет и помину. Назначение поэта, по мнению Аристотеля, излагать не то, что бывает, а то, что могло бы случиться, т. е. возможное. Аристотель советует трагическим поэтам подражать хорошим портретистам, которые делают портрет похожим на оригинал, но вместе с тем и более красивым. Так и поэту необходимо порочные характеры облагораживать; он может воспроизводить то, что есть, что было, что кажется, или то, что должно быть. Всякое искусство, по мнению Аристотеля, подражает природе, частью восполняя то, чего природа не в силах произвести. Указав на назначение поэтического творчества, Аристотель переходит к изложению истории постепенного развития поэзии и к ее наиболее совершенным формам – трагедии и комедии. Польза же поэзии, по его мнению, заключает-

ся в облагораживании и очищении страстей.

Аристотель в своей «Поэтике» излагает также грамматику, разбирает части речи и падежи. Это объясняется тем, что в то время грамматика находилась в младенческом состоянии. Аристотель относил грамматику к риторике, или поэтике, не давая языкознанию самостоятельного места в ряду наук.

Аристотель известен главным образом как творец логики, но не в одном этом заключаются его важные услуги человечеству. Можно сказать, нет науки, в создании которой не принимал бы участие Аристотель. Всякий специалист, знакомый с историей своей науки, убежден, что она ведет свое начало от Аристотеля. Но не только наука, а весь характер жизни образованного человека имеет органическую связь с жизнью Аристотеля. Если мы станем внимательно изучать биографии ближайших предшественников Аристотеля, Сократа и Платона, и сравним их с жизнью Аристотеля, то ощутим большую разницу. Можно понимать значение Сократа и Платона в истории философии и мысли вообще, но самый их образ жизни будет чужд так же, как и их воззрения.

До Сократа философия состояла в объяснении явлений природы. Сократ же первый обратил все свое внимание на изучение явлений человеческого духа, углубился в себя и из этого источника почерпнул всю свою мудрость. Платон, следуя в том же направлении, дошел до предела того, что может создать ум человеческий своими собственными средствами без всякого знания действительности. Платон утверждал, что Творец создал мир наподобие идей, воплощая их таким образом. Безукоризненно изящное изложение Платона, свидетельствующее о необъятной силе его ума, и теперь вызывает общее удивление, но мы в то же время не чувствуем солидарности своей с Платоном. Сократа считают творцом индуктивного метода, он первый загово-

рил об общих понятиях; Платон дал этим общим понятиям название идей, которые признал За нечто само по себе существующее. Но если в этом отношении Сократ нам понятнее Платона, то его общий взгляд на жизнь для нас еще более чужд. Он признавал высшим благом отсутствие потребностей и желаний; это, по его мнению, приближает человека к Богу и не нарушает равновесия нравственных сил, безмятежного душевного покоя. Исключительная нравственность Сократа вызывает поклонение, равно как тонкая диалектика Платона возбуждает удивление; Аристотелю же принадлежит несравненно большее влияние на всю умственную жизнь отдаленных веков, несмотря на то, что жизнь его не представляется нам такой образцовой, как жизнь Сократа, а изложение в изяществе и цельности уступает Платону.

Аристотель был небольшого роста, худощавый, с небольшими, но чрезвычайно пронзительными глазами; одевался всегда безукоризненно, строго подчиняясь моде, и проносил в горло, что служило в то время признаком несомненного аристократизма. Он первый из философов собрал богатую библиотеку, и его студия была переполнена коллекциями животных, растений и минералов.

Общий характер его философии вполне гармонировал с его внешностью. Шwegлер говорит: «В руках Аристотеля философия потеряла свой национальный эллинский характер и сделалась общечеловеческим достоянием. Он заговорил языком более близким к современному нам языку. Диалог Платона превратил он в обыкновенную прозу, место мифов и поэтических метафор заступил точный и сжатый язык. Мы не находим у него следов платоновского вдохновения непосредственной созерцательности: философия Аристотеля – это царство наблюдения и трезвой мысли. Его занимали не идеи, а все конкретное – воплощение идей в смысле Платона.

И в природе, и в истории, и во внутреннем мире человека он ищет фактических данных и всегда идет от частного к общему. Его философия заслуживает названия истинной философии, потому что она носит индуктивный характер с начала и до конца, и сам Аристотель есть истинный философ, потому что никогда не сходил с почвы живой действительности».

Влияние философии Аристотеля вначале было невелико. Как уже говорилось, Аристотель во многих отношениях был чужд афинянам. В числе его последователей не было ни одного истинно даровитого философа. Наиболее выдающимися из них были: Теофраст, Евдем, Стратон. Евдем написал «Этику», по форме своей напоминавшую «Никомахову этику», но отличавшуюся меньшей жизненностью и большим аскетизмом. Теофраст был назначен Аристотелем себе в преемники; он был главой школы перипатетиков. В руках последователей Аристотеля его философия мало-помалу утратила свой возвышенный характер; ее разрабатывали не в чисто научном духе: в ней стали искать замены религии, которая в то время у греков потеряла свою силу и власть. Итак, от философии требовали прежде всего цельного мирозерцания, которое учило бы людей как жить и поступать. Попав в такие руки, разносторонняя философия Аристотеля значительно пострадала. Аристотель никогда не выражал своих мыслей в виде непреложных догматов, особенно когда дело касалось обобщений, выведенных из фактов; все они высказаны в виде предположений. Последователи его постарались придать им твердости и сделали из них правила, обратили их в топор для мыслей, как выражался Демосфен. После Платона и Аристотеля народились стоики, эпикурейцы и скептики.

Замечательно, что Аристотель, творец науки и родоначальник положительного знания, не нашел в Греции себе истинных последователей; в Афинах и в самом Ликее одни из

его учеников изучали его исключительно как философа и творца логики; другие занимались только задачами нравственной философии; третьи, как Стратон, совершенно предавались естествознанию; последних, впрочем, было немного. Число философских школ в Афинах дошло в то время до четырех. Может быть, это одностороннее изучение творений великого Стагирита и послужило главным образом к неверному толкованию его мыслей как в области философии, так и в сфере естественнонаучной деятельности. Истинных же продолжателей своего дела Аристотель обрел в Сицилии. Египте, на островах Средиземного моря.

История внешней судьбы сочинений Аристотеля весьма замечательна. Свою библиотеку и свои сочинения он завещал Теофрасту. По смерти же Теофраста все эти сокровища попали в руки людей невежественных – родственников Теофраста: двести лет они пролежали в подвале, покрытые паутиной и пылью, черви точили их переплеты. В то же время перипатетики, располагая весьма немногими сочинениями Аристотеля, часто терялись в догадках, толковали их вкривь и вкось. В I веке до н. э. покорители Афин овладели библиотекой Аристотеля и перевезли ее в Рим. Попорченные рукописи были вновь переписаны не особенно тщательно, но большая часть этих рукописей сгорела в царствование Юлия Цезаря. Птолемей Филадельф первый написал биографию Аристотеля и обзор его сочинений. Из последних особенную популярность приобрела логика; другие сочинения, заслуживающие во всяком случае не меньшего внимания, оставались непонятыми – не оцененными. Затем «Органон» Аристотеля попал в руки отцов церкви; с особенной любовью занимался им святой Августин в Константинополе. В Европе в XI веке сочинения Аристотеля послужили основанием знаменитой философской полемики о реализме и номинализме, на

той же почве возникло все учение Абеяра в XII веке. Но отцы церкви воспользовались только формальной логикой Аристотеля; физика и метафизика Аристотеля были долгое время строго запрещены; в 1210 году в Париже все находившиеся там сочинения Аристотеля подверглись сожжению. В то время как богословы создавали схоластическое учение, заимствовав у Аристотеля только безразличный к истине силлогизм, и воздвигали на шатком фундаменте темные, мрачные храмы схоластической науки, арабы занимались более всесторонним и полным изучением Аристотеля. Но первые, совершенно пересоздав Аристотеля согласно своим потребностям, окружили таким почетом его имя, что под страхом смертной казни запретили думать иначе, чем думал их лже-Аристотель. Еще в царствование Людовика XIII, в 1629 году, за протест против лже-Аристотеля трагической смертью погиб Петр Рамус.

Изувеченный Аристотель явился, таким образом, грозой всех свободомыслящих философов, в том числе Декарта. К этому-то Аристотелю относились слова мощного победителя схоластики Бэкона: «Аристотеля надо жечь». Далее мы видим, что многие гениальные люди, не зная истинного Аристотеля, проклинали его имя, сильный авторитет которого запрещал им говорить истину, вопрошать при-

роду. Галилей с ранних лет страдал из-за того, что осмеливался не соглашаться с Аристотелем; в нем видели заносчивого и неосновательного молодого человека, считавшего себя умнее самых почтенных комментаторов Аристотеля. В то время в университетах преподавание философии Аристотеля было введено по настоянию католического духовенства. Замечательно, что протестанты также возлюбили Аристотеля, употребляя в свою пользу данное им орудие силлогизма. Главным приверженцем и толкователем Аристотеля в XVI веке явился Меланхтон. Это неизменное освещение Аристотеля религией неминуемо должно было вызвать реакцию, когда свободное изучение природы громко заявило свои права. Аристотель подвергся совершенному изгнанию из школ и университетов. Лейбниц был поражен таким несправедливым отношением к Аристотелю и употребил все усилия, чтобы внушить к нему должное уважение; позднее Иммануил Кант в Германии и Кузен во Франции также стремились исправить ошибки веков по отношению к Аристотелю. Альберт Великий и Кювье первыми оценили достоинство трудов Аристотеля по зоологии. В настоящее время специалисты всех областей знаний считают своим родоначальником Аристотеля, и каждый из них отчетливо сознает, что сделано Аристотелем в ограниченной сфере его специальности.